

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ахмедов А.А.

Северо-Кавказский государственный институт искусств (360030, Нальчик, пр. Ленина, д.1) e-mail: ahmadalim@mail.ru

Сформулированная российским руководством цель создания «русской нации» ставит вопрос о формировании новой российской идентичности. Семиотический анализ показывает принципиальные особенности подходов к национальной тематике, предполагающие по сути формирование новой цивилизационной общности. Данный процесс мог бы обеспечить интегрированный характер российского социокультурного пространства, гражданское единство и государственный суверенитет. Однако на практике приходится констатировать противоречия комплексного характера, связанные с определёнными тенденциями глобализационных процессов, прямо противоположными заявляемым целям российской национальной политики. Изменить негативное для социальной целостности России развитие общественных тенденций может обратное воздействие ценностных установок культуры на политико-экономические процессы.

Ключевые слова: российская идентичность, цивилизация, культура, габитус, традиционные ценности, глобализация.

ABOUT THE PERSPECTIVES OF THE RUSSIAN IDENTITY

Akhmedov A.A.

The North-Caucasian State Institute of Arts (360030, 1, Lenina, Nalchik) e-mail: ahmadalim@mail.ru

The task for the construction of the *Russian Nation*, which has been declared by the Russian leadership, supposes producing of the coherent popular consciousness and identity. Using means of semiotic analyzes, one can see some principal features of the Russian authorities approach. At the core of their phraseology lays the vision for a new civilization unity. Such process indeed would probably neutralize negative impacts of the globalization on the Russian society, preserving it from the disintegration, providing civic unity and state sovereignty. But tendencies in complicated social reality are rather opposite to the aims declared. Perhaps only controversial influence of traditional

cultural patterns and values on economical and political trends may change the vector of dangerous for the Russian social integrity developments.

The Key Words: Russian identity, civilization, culture, Habitus, traditional values, globalization.

Сформулированная российским руководством цель создания «российской нации» неизбежно ставит вопрос о *национальном сознании*. Соотношение гипотетического российского национального сознания с различными формами этнической, культурной и религиозной идентичности представляет собой предмет особого интереса. Не ставя перед собой специальной задачи анализа национальной политики государства, мы попытаемся обозначить ряд связанных с данной тематикой проблемных вопросов.

Адаптацию российской государственности и общества к общемировому социально-экономическому и информационному контексту можно рассматривать как ликвидацию когнитивного разрыва, сопровождавшего или провоцировавшего кризис советской модели государственного и общественного устройства. Современная социальная действительность, на наш взгляд, наглядно подтверждает тезис П. Бурдые о том, что в совокупности полей, образующих социальное пространство, поле экономических отношений стремится навязать свою структуру другим полям [2:16,36]. Вследствие этого формирующее сознание поле культуры оказывается ареной сложного взаимодействия представлений и направленной на их формирование деятельности. Это взаимодействие отражает динамику структур и позиций экономических отношений и отношений власти [2:80].

Провозглашение идеи «российской нации», то есть формирование образа России как национального государства, является логичным продолжением процесса адаптации к мировому социально-политическому пространству в целом. В последнем, по словам К. Вердери, «нация стала мощным символом и основой классификации в международной системе национальных государств {...} это идеологический конструкт, играющий важную роль в определении позиций субъектов как в рамках современного государства, так и в рамках международного порядка {...} нация имеет решающее значение для определения способа связи государства со своими подданными, который отличает их от подданных других государств, а также для его внешнего окружения» [4:297].

Однако «давление необходимости», связанное с политическим и экономическим контекстом, вводит российское государство и общество в поле «совокупности объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и несводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным взаимодействиям» [2:15].

Семиотический анализ демонстрирует мифологичность национального дискурса [2; 4; 5]. Эффективность *национализации* общественного сознания определяется формированием поля культурной когерентности, своего рода относительной гомологизацией внутренних и внешних связей элементов, составляющих условные таксономии наций [5:78; 6:8].

Социальная история нескольких западных государств служит обоснованием идеологического дискурса политической нации как сообщества индивидов. Но глубокий общественный кризис в глобализирующемся мире доказывает, что специфика конкретной цивилизационной истории Запада не предполагает социокультурной реальности, адекватной по масштабам его политико-экономической экспансии.

Между тем, во многих странах, включая Россию, национальный дискурс в контексте развития государственности оформил и закрепил этническое деление. В Советском Союзе, где этничность была «территориализирована и институционализирована» как «национальность», собственно понятие о «национальном» не соотносилось с государством в целом. Общность в государственности воспринималась как «советский народ» [6:7].

С таким наследием слова В. В. Путина «история и Всевышний распорядились так, что на нашей огромной территории проживают представители многих этносов, религий и культур, но мы все – один народ, одна нация» [6:9], - можно расценивать как признак семиотической революции. Однако риторика не обязательно отражает идентичность восприятия. В разных странах и культурах семиотические традиции могут различаться. Одно и то же слово может пониматься совершенно по-разному [2:572; 3:15].

Концептуальные документы государственной национальной политики Российской Федерации последовательно проводят образ «многоэтничной российской нации» или «многонационального народа» [7; 8; 9], состоящего из целостностей этносов – народов со своими собственными интересами, реализуемыми общей государственностью [9]. Очевидно, что речь не идёт только лишь о сообществе индивидов, хотя данный социальный образ и присутствует в российском информационном пространстве в официально поддерживаемых стратегиях по формированию гражданского общества.

Более того, в статье «Россия: национальный вопрос» в январе 2012 года В. В. Путин торпедировал концепт инклюзивной природы гражданских наций западного типа, указав, что «за «провалом мультикультурного проекта» стоит кризис самой модели «национального государства» – государства, исторически строившегося исключительно на основе этнической идентичности». Иносказательной метафорой российский президент продемонстрировал отношение к «культурной» для западной политологии фразе Э. Ренана о «нации как ежедневном плебисците», написав, что «самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром. И этот выбор

русский народ подтверждал раз за разом – и не на плебисцитах и референдумах, а кровью. Всей своей тысячелетней историей» [10].

Таким образом, российская национальная политика семиотически ориентирована не на ассимиляцию, а на объединение вокруг общего ядра. В официальных документах учёт интересов и прав составляющих самобытную цивилизацию народов сводится к обеспечению благосостояния, возможностей для самореализации и поддержке языков и культур. В таком семиотическом контексте модернизация в культурном отношении оказывается ограниченной «традиционными ценностями», а российская государственность провозглашается преемницей тысячелетнего позитивного совместного развития. Не артикулируемое *российское национальное сознание* должно означать по сути гражданско-патриотическую идентичность, национальным измерением которой должны стать единый для народов России «культурный код» и примат лояльности государству над религиозной или этнической идентичностью [10].

С культурно-исторической точки зрения это можно расценивать как попытку сформировать интегративный цивилизационный потенциал в условиях новой российской государственности. Вместе с тем, на наш взгляд, официальный дискурс российской власти скорее подчёркивает двойственность ситуации сознания по отношению к социальной реальности. Эта двойственность порождается противоречием между социокультурными габитусами и динамикой социально-экономических и политических отношений.

Спецификой российского контекста является официально провозглашённый примат так называемых «традиционных ценностей», которые связываются с гуманистическим наследием русской классической и народных культур и с цивилизационными дискурсами традиционных конфессий. Данная установка находится в весьма сложных отношениях с социальной реальностью и государственной политикой, так как данные «традиционные ценности» во многом противоположны тому социальному контексту и политическому положению, в котором оказалась Россия.

Если теоретически дискурс российского руководства может трактоваться как стратегия превращения концепта *нации* в обозначение гражданской общности в контексте цивилизационной идентичности, то в таком случае он ориентирован на историческую *традиционную* этничность. Однако угрозу гражданской общности в России, как и во всём мире, несёт этничность современная, вследствие кризиса социально-экономических основ народной культуры порождающая феномены этнического национализма, этнической преступности и т.д. Национализация этничности в мире «конкуренции» несёт в себе потенциал, негативный для «полиэтнических государств».

Теоретически экономическая эффективность и компетентность стратегий символического производства и культурной политики могли бы предопределить цивилизационную идентичность российских народов как особое *общероссийское национальное сознание*. Но на практике общероссийским культурным кодом сегодня может быть назван только русский язык, причем его основная функция заключается в социокультурной адаптации населения к реалиям нового международного порядка.

Сложная двойственность положения российского государства и общества связана со «структурной логикой» глобального экономико-политического пространства, то есть силой отношений, «которые навязываются всем входящим в это поле» [2:15]. В рамках «мир-системного» подхода И. Валлерстайна, например, Россия выглядит ресурсным узлом, в котором государственная власть оказывается ресурсом управляющего слоя, в свою очередь превращающегося в своеобразный слой собственников, в чьем распоряжении находятся и человеческие ресурсы или «человеческий капитал» [1]. Борьба за геополитический статус, за экономическое положение, за собственное пространство языка и культуры оказываются при таком подходе «национальным проектом», направленным на обеспечение интересов в диспозициях национальных, наднациональных, транснациональных, субнациональных и прочих элит. Интересы населения оказываются связаны с интересами государства настолько и поскольку население вовлечено в отношение к ресурсам благосостояния [1]. Именно последний фактор – отношение населения или различных его групп к экономическим, политическим, культурным и символическим ресурсам - и является камнем преткновения в кризисных социальных процессах современного мира.

Видимо поэтому, с одной стороны, в настоящее время не наблюдается каких-либо общенациональных практических стратегий и процессов формирования единого российского культурного кода на основании «традиционных ценностей». Некоторые тенденции в данном направлении можно обнаружить, но более очевидны «культурные коды» социальных связей. Например, профессиональных или субкультурных, властных или экономических, этнических или земляческих. На таком фоне «структурная логика» экономической и социокультурной модернизации России должна скорее свидетельствовать движение проекта «русской нации» в направлении той своеобразной модификации государственного устройства, которую В. В. Путин подверг критике в статье о национальном вопросе.

Однако данный взгляд следует от экономических структур и политических отношений к полю культуры и символических представлений. Между тем, «структурная логика» предполагает и обратный ракурс. Неявные пока в отношениях и практиках российских государства и общества, но более очевидные в международном контексте «традиционные ценности» или трансформирующиеся габитусы культуры, могут, как

факторы сознания, обрести символическую власть, достаточную для изменения структур политики, экономики и социальных отношений. Впрочем, и альтернативу подобной возможности формируют также явления и тенденции из сферы культуры и менталитета, то есть сферы сознания. На наш взгляд, значительное препятствие для утверждения общероссийской национальной идентичности представляют собой различия в идентичности цивилизационно-культурной.

Очевидно, что лишь формирование социально-экономических предпосылок целостной реализации этических ценностей традиционного сознания может нейтрализовать дезинтеграцию сознания полиэтничного и поликультурного населения России. Будущее российской идентичности оказывается связано с будущим габитусов народных культур в контексте перспектив традиционных ценностных ориентаций в современном мире.

Исходя из современной гуманитарной ситуации, можно предположить, что формирование общих культурных кодов может быть реально лишь в контексте не только общероссийских, но и общемировых трендов. Возможность успешного развития подобных тенденций предполагает обратный характер взаимосвязи культуры и социальной действительности, усиливающийся современными тенденциями виртуализации (то есть автономизации) социокультурного пространства. Это, в свою очередь, даёт основания предполагать, что основанием формирования подобных предпосылок может стать культуро(ценностно)генерирующая деятельность как государственных, так и негосударственных акторов.

Список литературы

1. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры / Ю.М.Лотман. - Избранные статьи в трех томах. Т. 1. – Таллин: Александра, 1992. – 249 с.
2. Путин, В.В. Россия: национальный вопрос / В.В.Путин // Независимая газета. – 2012. – 23 января.
3. Тимофеев, М.Ю. Нациосфера: Опыт анализа семиосферы наций / М.Ю.Тимофеев. – Иваново: Ивановский государственный ун-т, 2005. – 279 с.
4. Тишков, В.А. Российская нация и российские национальности [Электронный ресурс] // В.А.Тишков. - Режим доступа: <http://www.valerytishkov.ru/engine/documents/document1257.pdf>
5. Андерсен Б. Нации и национализм: сборник статей / Под ред. Б. Андерсена; пер с англ. и нем. Л.Е.Переяславцевой, М.С.Панина, М.Б.Гнедовского. - М.: Праксис, 2002. - 416 с.
6. Балибар Э. Раса, нация, класс: двусмысленные идентичности / Этьенн Балибар, Иммануил Валлерстайн; пер. с англ. И. Кефал, П. Хицкого при участии А. Маркова. - М.: Лого2, 2004. – 285 с.
7. Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пьер Бурдьё; пер. с фр.; отв. ред. перевода, предисл. В. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.

Нормативные правовые акты

8. Конституция Российской Федерации: офиц. Текст. – М.: Маркетинг, 2001. – 39 с.
9. Концепция государственной национальной политики Российской Федерации (Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 15 июня 1996 г. № 909).
10. Указ Президента Российской Федерации о стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. - 19 декабря 2012 года. - N 1666.